

Появление этой книги крайне своевременно и необходимо — это рассказ о том, как мы выживаем, и о людях, которые нам в этом помогают.

*The New York Times Book Review*

Держу пари, вам не удастся прочитать это произведение целиком и ни разу не разрыдаться... Будьте уверены, что истории пациентов не сотрутся из памяти и спустя много дней после того, как вы перевернете последнюю страницу.

*The Sunday Times*

Сильная книга.

*Молли Кейс, The Observer*

Чутко и прекрасно написано... Сердечное послание представителям профессии, ценности которой сегодня оказываются под угрозой.

*The Daily Telegraph*

Эта великолепная, меняющая жизнь книга просто обязательна к прочтению.

*The Irish Times*

В этой книге столько любви, что и слезы можно стерпеть. Кристи Уотсон создала красивое и лиричное повествование об истинном смысле сестринского дела.

*Аманда Форман, автор книги «Мир в огне»*

Эти прекрасные воспоминания — чуткие, информативные, смелые, где каждая фраза наполнена состраданием — напомнили мне о том, что в моменты, когда я чувствую самое жгучее одиночество, я на самом деле вовсе не одинока.

*Рейчел Джойс, автор книги  
«Невероятное паломничество Гарольда Фрая»*

# ЯЗЫК МИЛОСЕРДИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ МЕДСЕСТРЫ

КРИСТИ УОТСОН



УДК 61  
ББК 53.5  
У65

**Christie Watson**  
**THE LANGUAGE OF KINDNESS**  
**A Nurse's Story**

*Перевод с английского Ирины Никитиной*

Перевод опубликован с согласия Conville & Walsh Ltd  
и литературного агентства «Синописис»

**Уотсон К.**

У65 Язык милосердия : Воспоминания медсестры / Кристи Уотсон ;  
[пер. с англ. И.В. Никитиной]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус,  
2019. — 432 с.  
ISBN 978-5-389-14477-4

Одна из лучших книг 2018 года по версии The Guardian и The Sunday Times.

Трогательное, лиричное, мастерски созданное повествование о непростой профессии медсестры и о людях, которым она помогала. Кристи Уотсон, британская писательница, в прошлом медицинский работник с 20-летним опытом оказания неотложной и других видов медицинской помощи как детям, так и взрослым, напоминает о том, что свойственно всем нам без исключения, и о том, какую важную роль играет в нашей жизни сострадание.

«Мы можем лишь надеяться на то, что те, кто будет о нас заботиться, отнесутся к нам с добротой, сочувствием и самоотверженностью. Но можно ли привить эти качества? Присущи ли они человеку по природе или преходящи?»

С тех пор как Дарвин заявил, что нравственность предшествовала религии, альтруизм изучался учеными, теологами, математиками, сторонниками теории эволюции и даже политиками, но истоки человеческой доброты все еще остаются загадкой». (*Кристи Уотсон*)

УДК 61  
ББК 53.5

ISBN 978-5-389-14477-4

© Christie Watson, 2018  
© Никитина И. В., перевод на русский язык, 2018  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019  
КоЛибри®

*Посвящается медсестрам*

Поэт — это соловей, который поет во тьме, услаждая свое одиночество дивными звуками; его слушатели подобны людям, замороженным мелодией незримого музыканта; они взволнованы и растроганы, сами не зная почему.

Перси Биши Шелли. Защита поэзии  
(перевод З. Александровой)

*Описанные в этой книге события основаны на моих воспоминаниях об опыте работы медсестрой. Отличительные черты упомянутых в ней людей и мест были мной изменены, чтобы защитить частную жизнь пациентов и коллег, а описания определенных ситуаций и их участников были перемешаны между собой также для защиты их личной информации. Любое сходство является совпадением.*

## Предисловие

### **Из-за чего стоит рисковать жизнью**

Работу медсестер оставляли тем, «кто был слишком стар, слишком слаб, слишком часто нетрезв, слишком низок, слишком глуп или слишком плох, чтобы справиться с чем-нибудь другим».

Флоренс Найтингейл

Я не всегда хотела быть медсестрой. Я перепробовала множество профессий, а мой раздосадованный консультант по трудоустройству без конца убивался о том, что я провалила выпускные школьные экзамены. Морской биолог — таков был один из вариантов моей будущей карьеры: я представляла, как буду целый день разгуливать в купальнике где-нибудь в солнечной стране и плавать с дельфинами. Я пересмотрела свое решение, узнав, что работа морского биолога по большей части заключалась в изучении планктона на уэльском побережье. Однажды летом в Суонси я наблюдала за тем, как моя двоюродная прабабка разделяет сома в большой кухонной раковине, а как-то раз я выходила в море на лодке с обутыми в желтые



сапоги мужиками — волосатыми, хрипылыми, грузными, которые мочились за борт и без конца ругались матом. Еще мне не раз доводилось завтракать сердцевидками и лаверным хлебом из красных водорослей. Стало очевидно, что морская биология не для меня.

— Юриспруденция, — предложил один из учителей, когда мои родители, к тому моменту уже лишенные всякого самообладания из-за того, что я никак не определюсь с выбором, спросили его, какая профессия могла бы мне подойти. — Спорить она способна хоть целый день.

Но у меня не было склонности к узкоспециализированным областям. Вместо этого я стала подумывать о профессиях, связанных с животными и охраной природы. Я мечтала работать фотографом в журнале National Geographic, а значит — путешествовать в жаркие экзотические страны, где сияло бы солнце, а я все-таки разгуливала бы целыми днями в купальнике и никогда в жизни не снимала бы вьетнамки. Я стала участвовать в маршах протеста и в кампаниях против вивисекции, раздавала листовки в застроенном зданиями из серого кирпича центре города Стивенидж, показывая прохожим фотографии собак, которых подвергали пыткам, кроликов с красными глазами, на которых испытывали косметику, и окровавленных, болезненно тощих кошек. Я носила купленные в уличных ларьках дешевые политзначки, которые так часто расстегивались и кололи меня, что как-то

вечером я обнаружила у себя на груди целое созвездие оставленных булавками синяков. Я отказывалась заходить в гостиную после того, как мама купила на барахолке чучело курицы и водрузила его там среди прочих украшений интерьера. Вместо этого я предпочитала есть свой вегетарианский ужин, сидя на лестнице в знак протеста, и выдвигала ультиматумы: «Либо я, либо курица. Я не желаю быть соучастницей убийства».

Моя мама, обладавшая бесконечным терпением, раз за разом прощала мне мои подростковые капризы, убирала курицу, делала мне очередной сэндвич с сыром и обнимала меня. Это она научила меня языку добра, хоть тогда я этого и не ценила. На следующий день я украла из школы крысу, чтобы спасти ее от препарирования в кабинете биологии. Я назвала ее Фертер и думала, что теперь она будет жить в безопасности вместе с другим моим питомцем — крысой Фрэнком. Фрэнк любил сидеть у меня на плече, закручивая свой длинный хвост вокруг моей шеи, как эффектное ожерелье. Разумеется, Фрэнк сожрал Фертера.

Пловчиха, джазист-трубач, турагент, певица, ученый... Одним из вариантов была астрономия — до тех пор, пока в возрасте двенадцати лет я не узнала, что мой отец, который рассказывал мне про названия созвездий, все это выдумал. Правда, ему я об этом так и не сказала: я и дальше позволяла ему показывать на звезды и с энтузиазмом рассказывать мне истории:

— Вон там, на бегемота похоже? Видишь? Оно называется Плечо Ориэль. А это Колокольчик. Видишь, какой оно формы? А у некоторых звезд голубовато-серебристый оттенок, видишь? Рыбаки говорят, что, если долго смотреть на звезды, они нашепчут тебе секреты земли. Это как услышать секреты моря, приложив к уху раковину. Если слушать внимательно, можно одновременно услышать все и ничего.

Я часами смотрела на звезды, надеясь услышать секреты земли. По ночам я вытаскивала из-под кровати картонную коробку, полную сокровищ: старые письма, сломанное кольцо для ключей, часы моего покойного дедушки, одна драхма, жвачка, добытая мной из-под парты и побывавшая до этого во рту у мальчика, который мне нравился, собранные в разных местах камушки и большая ракушка. Я стояла в своей спальне, глядя вверх, на звезды, и прижав раковину к уху.

Однажды ночью к нам залезли воры и попытались украсть мясо из морозилки, которая стояла у нас в сарае. Это было время, когда люди покупали мясо вразвес у торгующих на улице частников, которые ездили на гигантских грузовиках с репродуктором и носили грязные белые фартуки. Это было время, когда к вам ночью могли прийти полицейские, чтобы задать вопросы о краже замороженной курицы. Именно так, под крики полицейских, однажды и было прервано мое созерцание звездного неба. Я приложила к уху ракушку, задавая Вселен-

ной вопрос, и она ответила: вегетарианство — это важно. Я не уверена, какое зрелище в ту ночь было необычнее — несколько молодых людей, тащивших замороженную курицу и гигантский пакет с бараньими отбивными, или худощавая девочка-подросток, стоявшая посреди залитой лунным светом спальни с прижатой к уху ракушкой.

Чем я буду заниматься, кем стану — эти вопросы захватили меня и, казалось, волновали гораздо больше, чем моих друзей. Тогда я еще не понимала, что мне хотелось прожить много жизней, пройти разные жизненные пути. Тогда я еще не знала, что найду именно то, что ищу (кроме купальника и солнца), ведь сестринское дело и писательство заключаются в том, чтобы постоянно ставить себя на место других людей.

Лет с двенадцати я постоянно где-то подрабатывала. Я работала в кафе, мыла духовки, — отвратительное место, где вредные тетki пытались растянуть один чайный пакетик на три чашки. Я разносила молоко по домам в зимние морозы, так что не чувствовала пальцев на руках. Подражалась разносить газеты — до тех пор, пока кто-то не увидел, как я выбрасываю их в загаженном закоулке. В школе я не предпринимала никаких усилий, домашних заданий не делала. Родители пытались расширить мой кругозор, подать мне идею о том, чем я могла бы заниматься в жизни, и привить мне трудолюбие: «Образование — это билет куда угодно. У тебя замечательные мозги, но ты не хочешь

ими пользоваться». Я была от природы сообразительна, но, несмотря на предоставленные родителями возможности и их жизнерадостность, моя неусидчивость и взбалмошность никуда не девались. Отец с матерью постоянно твердили мне, что нужно читать, и меня захватила философия, где я искала ответы на многие имевшиеся у меня вопросы: Сартр, Платон, Аристотель, Камю... я крепко на них подседа. Любовь к книгам стала лучшим из всех подарков, которые делали мне родители. Мне нравилось бродить по улицам, зная, что где-то неподалеку есть что почитать. Я прятала книги в разных уголках района: «Маленьких женщин» — в Черном переулке, Достоевского — за мусорными баками Кетвизела, Диккенса — под сломанным автомобилем Тинкера.

Я бросила школу, когда мне было шестнадцать, и переехала к своему парню, которому было двадцать с чем-то, как и четверем другим парням, вместе с которыми он снимал квартиру. Там царил невероятный хаос, но я была абсолютно довольна: работала по сменам в магазине видеокассет и в обмен на лапшу с курицей давала магнитофонные записи сотрудникам соседней забегаловки, где готовили китайскую еду навынос. (К тому моменту моя склонность к вегетарианству стала угасать, зато проснулся интерес к фильмам для взрослых, и я задумывалась лишь над тем, как завлечь в магазинчик побольше друзей.) Я пошла в сельскохозяйствен-

ный колледж, собираясь стать фермером, и продержалась ровно две недели. Желание получить диплом специалиста по туризму испарилось через неделю. Сказать, что я понятия не имела, в каком направлении двигаться, значит ничего не сказать. Я была поистине раздавлена, когда опоздала на собеседование и не смогла получить работу аниматора для детей в ресторане быстрого питания Pizza Hut. Разрыв с парнем стал для меня настоящим шоком, хотя мне было всего шестнадцать, и я была невероятно наивна. Гордость не позволяла мне вернуться домой. Ни работы, ни дома. Я пошла работать волонтером в службу социальной помощи — это была единственная организация из тех, что мне удалось найти, которая принимала на работу с шестнадцати, а не с восемнадцати лет и к тому же предоставляла жилье. Меня направили в социальный центр под началом благотворительной организации Spastics Society (теперь она носит название Scope), и там я стала зарабатывать 20 фунтов в неделю на карманные расходы, ухаживая за взрослыми пациентами-инвалидами с серьезными ограничениями физических возможностей: помогала им ходить в туалет, есть и одеваться. Тогда я впервые почувствовала, что делаю нечто значимое. Я снова начала есть мясо: теперь я ставила себе более масштабные цели. Я побрилась наголо и носила исключительно одежду, купленную в секонд-хендах, отдающих выручку на благотворительность, а все карманные деньги тратила на сидр и сигареты. У меня ничего не было,

но я была счастлива. И именно тогда я впервые оказалась в обществе медсестер. Я наблюдала за квалифицированными медсестрами\* так же внимательно и сосредоточенно, как ребенок наблюдает за родителями, когда болеет. Я не сводила с них глаз. И при этом не знала ни как называется то, что они делают, ни сама их профессия.

— Тебе надо работать медсестрой, — сказала мне одна из них. — Тебе дадут социальную стипендию и жилье.

Я пошла в местную библиотеку и увидела, что там полно таких же бродяг и беспризорников, как я. Раньше, когда я была младше, я много раз бывала в школьной библиотеке и в библиотеке в Стивенидже, но в этот раз я попала туда, где не просто можно было почерпнуть знания или взять на дом книги. Эта библиотека была настоящим приютом. В углу спал какой-то бездомный, и библиотекари его не трогали. Женщине в инвалидном кресле с мотором помогал мужчина, у которого на шее висел значок, сообщающий, что у него аутизм и что он пришел помочь: он доставал для нее книгу с верхней полки. Вокруг свободно бегали дети, а еще недавно

---

\* Английское слово *nurse* не имеет точного эквивалента в русском языке и в зависимости от контекста может означать как «медсестру», так и «медбрата». Чтобы избежать излишних повторов, здесь и далее, в случаях, когда этот термин употребляется в собирательном смысле, был использован русский перевод «медсестры», что подразумевает сотрудников как женского, так и мужского пола. — *Прим. перев.*

бывшие детьми подростки хихикали, собравшись в стайку.

Там я узнала о Мэри Сикол, которая, как и Флоренс Найтингейл, ухаживала за солдатами во время Крымской войны. Первый опыт работы медсестрой она приобрела, давая лекарство своей кукле, потом перешла на домашних животных, а потом начала помогать людям. Раньше я никогда не рассматривала работу медсестры в качестве своей будущей профессии, но потом в моей голове начали всплывать воспоминания: мы с братом специально вырывали набивку из мягких игрушек и выковыривали куклам стеклянные глаза, чтобы я могла их починить. Я вспомнила, как мои одноклассники в начальной школе выстраивались в очередь, чтобы я проверила, нет ли у них анемии. Должно быть, я похвасталась своими экспертными знаниями, а потом выстроила их в шеренгу в школьном дворе и одному за другим начала поднимать веки, проверяя, не надо ли им есть больше печенки с луком. Я вспомнила бесчисленное количество случаев, когда в ответ на жалобы своих подруг на больное горло я мягко кончиками пальцев пальпировала им шею, словно играя на кларнете: «Лимфатический узел».

О том, что включала в себя работа медсестры и как ее выполнять, написано было мало, поэтому я представления не имела, справлюсь ли я с ней. Я обнаружила, что сестринское дело возникло раньше, чем были написаны книги по истории, и давно существовало во всех культурах. Один из самых



ранних письменных текстов, имеющих отношение к сестринскому делу, — это Чарака-самхита, трактат, составленный в Индии приблизительно в I веке до н.э., в котором сказано, что медсестры должны быть сострадательны ко всем. Сестринское дело также тесно связано с исламом. В начале VII века медсестрами становились верные последовательницы ислама. Первая профессиональная медсестра в истории этой религии, Руфайда бинт Саад, считалась образцовой медсестрой благодаря ее сострадательности и способности к эмпатии.

Сострадание, сочувствие, эмпатия — именно такими качествами, согласно истории, должна обладать хорошая медсестра. В своем воображении я часто возвращалась в эту библиотеку в Бакингемшире, потому что мне казалось, что на пройденном мной к тому моменту карьерном пути именно этих качеств мне частенько не хватало — качеств, которые мы забыли или перестали ценить. Но когда мне было шестнадцать, я еще была полна надежд, энергии и идеализма. И когда мне исполнилось семнадцать, я решила действовать. Довольно менять профессии и метаться туда-сюда: я решила стать медсестрой. К тому же я знала, что в моей жизни еще будут вечеринки.

Через несколько месяцев я каким-то образом попала на курсы медсестер, хотя была на пару недель младше официально разрешенного возраста слушателей — семнадцати с половиной лет. Я переехала в сестринское общежитие в Бедфорде.

Общежитие находилось за больницей — большая многоэтажка, наполненная хлопанием дверей и доносящимся откуда-то время от времени истерическим хохотом. Большую часть комнат в моем крыле занимали сестры-первогодки, но еще там было несколько рентген-лаборантов, студентов, изучающих физиотерапию, ну и время от времени к нам подсеяли какого-нибудь врача. Все студентки-медсестры в основном были молодыми, безбашенными и впервые оказались вдали от дома. Среди них было немало ирландок («У нас было два варианта, — говорили они, — в медсестры или в монашки») и немного мужчин (в то время все они поголовно были гомосексуалистами). Внизу находилась прачечная — прямо рядом с душевой телевизионной комнатой, где стояли кресла в полиэтиленовых чехлах, к которым вечно прилипали вспотевшие бедра: батареи работали на полную катушку двадцать четыре часа в сутки. В этой телевизионной комнате после того, как я случайно выпалила, что прилипла к креслу, я познакомилась с одним психиатром-практикантом, и он на несколько лет стал моим парнем. Моя спальня находилась рядом с туалетами, поэтому в ней пахло сыростью, а одна из моих подруг однажды вырстила на ковре кресс-салат. На кухне было грязно, в холодильнике — полно еды с истекшим сроком годности, а на одном из шкафчиков висела записка: НЕ ВОРУЙТЕ ЕДУ. МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ЭТО СДЕЛАЛИ ВЫ.

В гулком фойе висел телефон, который без конца звонил в любое время дня и ночи. Ссоры, стук каблучков (кто-то бежит по коридору), громкая музыка. Мы все курили — обычно сигареты, но запах травки, словно приглушенный шум, неизменно витал в воздухе, так что спустя какое-то время его и вовсе переставали замечать. Мы свободно заходили друг к другу в комнаты, словно члены некой общины, и никогда не запирали двери. У меня над кроватью висел плакат с анатомическими рисунками Леонардо да Винчи, на которых он изобразил камеры сердца. На стене — полка, забитая учебниками по сестринскому делу и потрепанными романами, а рядом с кроватью — стопка книг по философии. Плюс к этому — чайник, обогреватель, у которого не получалось убавить мощность, и окно, которое не открывалось. Еще была раковина, где можно было мыть грязные кружки и себя, куда можно было скидывать пепел, блевать и в течение нескольких недель, когда туалеты засорились, мочиться. Моим сверстникам казалось, что удобств не слишком много, но мне, человеку, который так долго жил в общей комнате в социальном центре, а до этого — в одном доме с парнем и его соседями-мужчинами, это место казалось раем.

И все же первая ночь всегда самая тяжелая. Я представления не имела, что мне придется делать, став медсестрой, и я уже стала сожалеть о том, что не задала больше вопросов медсестрам, которые посоветовали мне подать заявку на курсы. Я жутко

боялась, что у меня не получится, боялась представить, какое выражение увижу на лицах родителей, когда заявлю, что вновь передумала. Их и так шокировало мое решение стать медсестрой: мой отец расхохотался. Несмотря на то что я ухаживала за инвалидами, в их глазах я все еще была взбалмошным подростком, которому ни до кого не было дела. Вообразить, что я могу посвятить себя благому делу, можно было лишь с сильной натяжкой.

В ту ночь я не могла уснуть и лежала, слушая, как за стеной соседка ругается со своим парнем — угрюмым долговязым охранником, который вопреки всем правилам, похоже, жил вместе с ней. Даже когда они притихли, уснуть я все равно не могла. В моей голове плясали сомнения. Я знала, что, по крайней мере, какое-то время у меня будут только аудиторные занятия, а значит, я не смогу никого случайно убить и мне не придется мыть член кому-нибудь старику или испытывать нечто столь же ужасное. И все же меня переполняла тревога. А когда той же ночью я пошла в туалет, один на весь этаж, и увидела использованную прокладку, приклеенную к двери уборной, меня чуть не стошнило. Помимо того что это было жутко отвратительно, я вспомнила, что меня всегда начинало пошатывать при виде крови.

Моя хлипкость подтвердилась на следующее утро, во время профессионального медосмотра. У всех брали кровь на анализ. «Чтобы приложить их к вашему делу, — объяснила врач-флеботомист. —

На случай, если вы уколетесь иглой и подцепите ВИЧ. Тогда мы сможем определить, были ли вы инфицированы ранее». Шел 1994 год, и повсюду витали страхи и ложные слухи о ВИЧ. Флеботомист перевязала мою руку жгутом.

— Ты учишься на медсестру или на врача? — спросила она.

Я посмотрела на иглу, на то, как пробирка наполняется кровью, и комната поплыла у меня перед глазами. Голос врача, казалось, звучал где-то в отдалении:

— Кристи! Кристи!

Когда я пришла в себя, оказалось, что я лежу на полу, мои ноги закинута на стул, а надо мной стоит врач, которая брала у меня кровь. Она засмеялась:

— Пришла в себя?

Я медленно поднялась на локтях, стараясь сфокусировать на чем-нибудь взгляд.

— Что случилось?

— Ты упала в обморок, дорогая. Это бывает. Хотя, возможно, тебе стоит пересмотреть выбор профессии.

Двадцать лет работы медсестрой лишили меня многого, но взамен дали не меньше. Я хочу поделиться с вами трагедиями и радостями, которые случались на моем незаурядном профессиональном пути. Давайте совершим обход и проследим за человеческой жизнью от рождения и до самой смерти: пройдем мимо отделения интенсивной терапии

для новорожденных и выйдем через двойные двери в терапевтическое отделение, бросимся по коридору, получив сигнал экстренного вызова, пройдем мимо аптеки и кухни для персонала напрямик в отделение неотложной помощи. Мы изнутри посмотрим на саму больницу и на работу медсестры и ее многочисленные нюансы. Когда я начинала, в моем представлении работа медсестры требовала знаний химии, биологии, физики, фармакологии и анатомии. Теперь я знаю, что на самом деле моя работа — это философия, психология, искусство, этика и политика. По пути нам встретятся разные люди — пациенты, их родственники, врачи, медсестры, — люди, которые вам, возможно, уже знакомы. Ведь все мы в какой-то момент нашей жизни нуждались в сестринском уходе. И сами мы отчасти медсестры.

## «Древо кровеносных жил»\*

Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи.

*Всеобщая декларация прав человека.  
Статья 25*

Я перехожу мост, направляясь к его зубчатой тени, и наблюдаю, как на поверхности воды внизу танцует бледно-голубоватый, почти зелено-серый свет: скоро рассвет. Вокруг тишина. Полнолуние. Меня обгоняет пара женщин, празднично одетых, с размазанной тушью под глазами. К стене какого-то дома привалился мужчина в спальном мешке, у его головы стоит кофейный стаканчик с парой монет. Машин почти нет, разве что иногда проезжают черные такси или ночной автобус. Но в больницу уже идут и другие люди, такие же, как я, узнать которых можно по стандартным признакам: потертые туфли

---

\* Отсылка к названию рисунка Леонардо да Винчи. — *Прим. ред.*

на плоской подошве, рюкзак, бледное лицо и плохая осанка.

Я поворачиваю на территорию больницы и прохожу мимо часовенки во внутреннем дворе — она всегда открыта. Внутри темно, лишь тусклое освещение и свечи, на алтаре лежит книга с записками и молитвами. Самая грустная книга, какую только можно представить.

Через главный вход на работу торопится персонал больницы. Одни ведут рядом с собой велосипеды, другие целеустремленно шагают, стараясь не встретиться взглядом с каким-нибудь посетителем, который хочет что-то спросить, передать письмо или сумку с самыми необходимыми вещами, держит за руку плачущего ребенка или катит инвалидное кресло, где сидит престарелый родственник с одеялом на коленях. В 9 часов появится волонтер, его обязанность — помогать тем, кто потерялся, на его груди висит табличка с надписью «Чем я могу вам помочь?». Это Кен, ему семьдесят, и его дочь попала в нашу больницу с заражением крови, пройдя курс лечения от рака яичников. «Я хочу помогать таким же, как я. Суть в мелочах». Он раздает брошюры с планом больницы, информацию и улыбки. План больницы маркирован разными цветами, а на пол нанесены разноцветные полосы, чтобы посетители могли ориентироваться. Каждый день хоть раз кто-нибудь подпрыгивает, шагая по желтой полосе, и припевает: «We're off to see the wizard...» — «Мы



встретимся с волшебником, сказочным волшебником страны Оз...»\*

Я прохожу мимо регистратуры и зала ожидания, где собралось еще больше людей: богатых и бедных, инвалидов и полностью трудоспособных людей самых разных рас, культур и возрастов. Я часто вижу там одну и ту же женщину — она носит шлепанцы, и от нее пахнет мочой. Она сидит рядом с каталкой, на которой навалены пластиковые пакеты, и бормочет что-то себе под нос. Иногда она вскрикивает, словно от внезапной боли, и из-за угла выглядывает лицо охранника (он проверяет, все ли в порядке) и снова исчезает. Но сегодня ее нет. Вместо нее я вижу пожилую женщину в теплом красном пальто, хотя в больнице работает отопление. На несколько мгновений она останавливает на мне свой испуганный, грустный взгляд. Похоже, она совершенно растеряна и совсем одна, хотя вокруг нее сидит целая дюжина людей. Ее волосы, когда-то кудрявые, теперь немывты и полуприлизаны, так выглядели волосы моей бабушки, когда та заболела, — ее жутко расстраивало, что у нее больше нет идеально уложенной прически. Женщина в красном пальто закрывает глаза и кладет лоб на руки.

Я люблю ходить по больнице. Больницы всегда были своеобразными приютами. Король Шри-Ланки Пандукабхайя (437–367 до н.э.) строил ночлеж-

---

\* Строчка из знаменитой песни, исполненной Джуди Гарленд в фильме «Волшебник страны Оз» (1939). — *Прим. перев.*

ки в разных уголках своего королевства — это самое раннее свидетельство существования учреждений, предназначенных исключительно для ухода за больными. В 805 году н.э. в Багдаде была построена психиатрическая лечебница\*. Закон запрещал сотрудникам этих первых больниц отказывать в помощи пациентам, которые не могли оплатить лечение. Правила больницы султана Калауна, основанной в XIII веке в Египте, гласили: «Все расходы берет на себя больница, независимо от того, пришел пациент издалека или живет поблизости, местный он или иностранец, силен он или слаб, высок его статус или низок, богат он или беден, занят или не имеет работы, слеп или зряч, физически или умственно болен, образован или безграмотен».

Я иду дальше, мимо магазина сувениров, где между открытками с надписями «Поздравляю!» и «Мои соболезнования» вклинились другие с надписью «Скорейшего выздоровления». Я миную крохотный магазинчик одежды, где никто никогда ничего не покупает, но где от продавщицы можно услышать интересные истории, ведь она знает обо всем, что происходит в больнице. Прохожу общественную уборную, где пациенты падают в обморок, колют себе героин и время от времени подвергаются нападениям — однажды произошло даже изнасилование. Напротив уборной находится

---

\* Некоторые источники указывают в качестве даты основания больницы 705 г. — *Прим. ред.*

газетный киоск и круглосуточное кафе, где из сломанной кофемашины как-то раз вылилось прокисшее молоко и залило дефибрилляторы, хранящиеся внизу, в подвале.

Я заворачиваю за угол, оборачиваюсь, чтобы еще раз взглянуть на женщину в красном пальто, и едва не врезаюсь в кухонного рабочего, который толкает перед собой гигантскую металлическую каталку, пахнущую хлоркой, плесенью и самолетной едой. Слева от кафе находятся лифты, около которых всегда ждет кучка народа. Больница построена на дорогой земле и растет вертикально. Большая часть палат расположена выше основных вен и артерий вечно расширяющихся корпусов. Однако если взглянуть на длинные палаты, где много окон, заметно, что они построены по тому же плану, который предлагала еще Флоренс Найтингейл, понимавшая всю важность хорошей архитектуры и продуманного плана больницы для выздоровления пациентов. Она рекомендовала при проектировании больниц закладывать длинные узкие помещения с высокими окнами, чтобы внутрь поступало как можно больше свежего воздуха и солнечного света. В переписке, которую Найтингейл вела с Томасом Уоррингтоном, архитектором из Манчестера, в 1865–1868 годах, она также подчеркивала практические потребности медсестер: «Будет ли площади судомойни достаточно, чтобы при необходимости обеспечить сестрам помещение для сна?»

Я представляю себе, как она, прямо как я, идет по больнице, шагает мимо зоны транспортировки пациентов: вся комната заполнена людьми — слишком больными, чтобы ехать на общественном транспорте, и слишком бедными, чтобы вызвать такси, — они ждут, когда их отправят домой. Ни у кого из них нет родственников, которые могли бы их забрать. Пациенты сидят в инвалидных креслах и на пластиковых стульях. На них пальто, халаты, одеяла. Они смотрят на автоматические двери, вглядываясь в лица незнакомцев, разглядывают то, что находится за этими дверьми, — смотрят на небо снаружи, на его пустоту. Позади ряда стульев, всеми забытый, жужжит аппарат для продажи напитков. Я спрашиваю себя, испытывают ли эти люди (большинство из них — пожилые и слабые здоровьем) голод, боль или страх. Ответ мне уже известен. Кажется, что в зале ожидания выписки больше людей, чем в приемной, где сидят вновь прибывшие пациенты. Все относительно. Возможно, пациенты, получившие серьезные травмы и борющиеся за свою жизнь в отделении неотложной помощи (ОНП), не считают себя счастливыми, но, если рядом с ними есть семья и друзья, им, пожалуй, все-таки повезло.

Дверь в комнату вахтера без конца открывается и ударяет по груде пустых кислородных баллонов, похожих на гигантские кегли. Там за пультом сидит женщина с пушистыми кудрявыми волосами и нарисованными бровями, с зацепленным за ухо наушником, как у Мадонны, и микрофоном. Я провожу

## Оглавление

<i>Предисловие. Из-за чего стоит рисковать жизнью</i> .....	9
1. «Древо кровеносных жил» .....	24
2. «Все, что ты можешь вообразить, — реально» .....	61
3. Происхождение мира .....	105
4. «Сперва — младенец...» .....	145
5. Борьба за существование .....	193
6. «От моего сердца тянется крепкая нить...» .....	228
7. «Жить так поразительно...» .....	252
8. «Маленькие дела с большой любовью» .....	282
9. Кости людские .....	322
10. «Так мы и пытаемся плыть вперед...» .....	343
11. «Пусть гневом встретит старость свой конец» .....	369
12. «Есть две смерти...» .....	393
13. «...и согрелось тело ребенка» .....	414
Слова благодарности .....	428

Научно-популярное издание

Кристи Уотсон

# ЯЗЫК МИЛОСЕРДИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ МЕДСЕСТРЫ

*Ответственный редактор* Н. М. Галактионова

*Редактор* С. М. Левензон

*Художественный редактор* М. А. Левыкин

*Технический редактор* Л. В. Синицына

*Корректоры* О. А. Левина, Л. Г. Овчинникова

*Верстка* Н. А. Козель

В оформлении обложки использовано фото

© leungchopan/shutterstock.com

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —

обладатель товарного знака «КоЛибри»

115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. №1

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

[www.azbooka.ru](http://www.azbooka.ru); [www.atticus-group.ru](http://www.atticus-group.ru)

Знак информационной продукции

(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 05.04.2019. Формат 84×100/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Original Garamond».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,92.

Тираж 4000 экз. В-РВJ-22730-01-Р. Заказ

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А

[www.pareto-print.ru](http://www.pareto-print.ru)